

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 39:34

DOI: 10.17223/19988613/75/17

А.А. Бадмаев

КОНФЛИКТЫ И МЕХАНИЗМЫ ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ В БУРЯТСКОМ ОБЩЕСТВЕ XVIII–XIX ВЕКОВ

Работа выполнена в рамках программы НИИР, проект № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в. Исследования меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологических парадигм».

Выделены основные конфликты и механизмы их разрешения в бурятском социуме XVIII–XIX вв. Источниками для исследования послужили архивные данные и литературные сведения рассматриваемого времени. Выявлено, что в регуляции конфликтов особая роль отводилась общине. Главным регулятором конфликтов выступал третейский суд. У предбайкальских бурят медиаторскую функцию в третейском суде выполняли старейшины. В целом третейский суд у бурят был нацелен на относительно справедливое наказание агрессора, поддержание общественного порядка и консервацию конфликта.

Ключевые слова: буряты, конфликт, примирение, третейский суд

Межличностные конфликты имеют место в разных этнических сообществах; чтобы их урегулировать и тем самым сохранить внутреннюю стабильность, исторически вырабатывались определенные механизмы. В условиях Российской империи народы Сибири пользовались практиками разрешения конфликтных ситуаций и примирения, опиравшимися на обычное право. В культуре бурят XVIII–XIX вв. также сложились такие практики, которые транслировались, но в то же время под влиянием менявшихся исторических условий имели тенденцию к трансформации. Тема регуляции конфликтов в бурятском социуме XVIII–XIX вв. получила некоторое освещение в работах Е.М. Залкинда [1], А.А. Бадмаева [2, 3] и др., но ее изучение остается актуальным.

Цель исследования – выделение основных конфликтов и механизмов их разрешения в бурятском обществе XVIII–XIX вв. В работе использованы архивные источники, главным образом из фондов Государственного архива Республики Бурятия (ГА РБ), и литературные источники изучаемого времени.

В бурятском социуме рассматриваемого периода локальная община вносила определенный вклад в преодоление конфликтов и примирение сторон. В XVIII в. забайкальско-бурятская кочевая община *хотон* управлялась собственной низовой структурой власти в лице *засула* ‘десятника’ и его помощников и представляла самостоятельную территориально-хозяйственную единицу. В то же время у бурят предбайкальских родов, преимущественно являвшихся полуоседлыми номадами, главой общины *улус* был *толгой* ‘голова’.

В регуляции внутренних и внешних отношений таких общин немалую роль играло родовое собрание *суглаан*, которое прежде всего рассматривало хозяйственные вопросы. Кроме того, в его компетенцию входило регулирование взаимоотношений как внутри

общин, включая семейно-бытовые конфликты, так и вне их (с другими общинами). Собрание состояло из взрослых мужчин, не совершивших противоправных поступков. Делами территориального рода ведал *шуленга*, опиравшийся, в свою очередь, на мнение родового суглана. Конфликты, не получившие своего разрешения в локальной общине, выносились на суд главы рода.

Наконец, в рамках отдельного бурятского ведомства (с 1740-х по начало 1820-х гг. административными органами самоуправления были степные конторы, в состав которых выбирали еще и так называемых депутатов, выходцев из элитарной группы) действовали также суд родоначальников и народное собрание, включавшее представителей входящих в ведомство родов. Эта многоступенчатость института инородческой власти и суда должна была служить залогом эффективного регулирования конфликтов. Однако, как свидетельствует источник XVIII в., буряты в своих тяжбах заходили дальше, обращаясь в русские канцелярские суды и неся при этом значительные судебные издержки [4. Л. 18].

Иногда причиной обращения в русский канцелярский суд было сокрытие некоторыми старшинами преступных деяний своих подчиненных, более того, их личное участие в противоправных действиях. Наиболее невинным из их проступков было затягивание судебного разбирательства. Поэтому, например, кудинский бурят Плат Кынзыкенов, стремясь избежать этого, просил Иркутский нижний земский суд предписать старшине рода, к которому принадлежал подозреваемый в краже его скота, не чинить проволочек в судебном делопроизводстве [5. Л. 14 об.].

Уже в XVIII в. третейский суд, каковым был суд родоначальников у бурят, имел лишь право соглашательной инстанции, поэтому в нем было обязательным

предварительное рассмотрение дел, и возникала возможность передачи их в нижний земский суд; тем не менее большинство подобных обращений отклонялось и возвращалось обратно [1. С. 130–131].

Говоря о конфликтах в бурятском обществе XVIII–XIX вв., следует охарактеризовать третейский суд, который являлся их основным регулятором. Первые сведения о нем обнаруживаются в работе Я.И. Линденау, согласно которому, в середине XVIII в. в суд у бурят Предбайкалья входили: «Зайхун (*зайхан*, *зайсан*, родовой глава) [6. С. 376]. – это судья или управляющий. Он решает дела наибольшей важности. Шуленги – это подчиненные судьи, имеются в каждом роде. Бошки (вероятно, *бошка* / *боишо*, заимствованный из русского языка татаризм *башка* ‘голова’ [7. С. 57], однозначный слову *толгой*. – А.Б.) назначаются шуленгами, и, если нет никаких судебных дел, они используются как посыльные» [8. С. 137]. По сути, суд был одной из важных сфер деятельности управленческой вертикали у бурят. Укажем, что зайхун / зайсан в то время являлся заместителем главы ведомства – тайши [Там же].

Здесь надо оговориться, что в XVIII в. под контролем русской администрации функционировала система управления бурятскими землями, в которой сочетались принципы наследования должностей и получения их путем избрания. В источниках находим свидетельства употребления прежних названий родоначальников: так, у части предбайкальских бурят были известны *толгой* и *ехэ толгой* ‘большая голова, глава рода’. Примечательно, что звания родоначальников у большинства бурят были калькой с принятых у монголов и маньчжуров властных званий, которые отражали воинское десятичное деление (*засул* / *заһуул* ‘десятник’, *дамал* ‘пятидесятник’, *шуленга* ‘сотник’) и феодальную титулатуру (*тайша*/тайджу ‘князь’). В данном вопросе российские власти учли пожелания бурятской элиты. Между тем у хори-бурят отмечается более сложная система управления, чем у бурят предбайкальских родов: «Братские имеют над собой главными, а имянно Забайкальских двух тайшей. Во всяком роде по зайсану, шуленге, пятидесятнику и десятнику, а у иркуцких токмо шуленги» [4. Л. 17 об.]. Как видим, в изучаемое время у бурят не были еще унифицированы должностные звания управленческой элиты.

Унификация произошла после принятия Устава «Об управлении инородцев» 1822 г., когда появился институт выборных заседателей Степной думы, которые наряду с тайшами, родовыми старостами и их помощниками стали осуществлять судопроизводство [9. С. 94]. При этом трехступенчатость административного управления у бурят воплотилась в новой иерархии: Степная дума – инородная управа – родовое управление.

В традиции забайкальских бурят, как можно понять из Указа 1759 г., судью называли *заргачи* [Там же. С. 14–15], данное слово происходит от *зарга* ‘жалоба, иск’ [10. С. 251]. Между тем Я.И. Линденау упоминает, что у предбайкальских бурят при судье-зайсане находились старики, выполнявшие в суде родоначальников медиативную функцию: «Приглашают также некоторых старых людей в качестве посредников <...>

Их называют *Dsorgu*. Они на собраниях считаются выше шуленг и бошек» [8. С. 138]. Обращает внимание их статус в суде, свидетельствующий о том, что в XVIII в. роль старейшин у бурят Предбайкалья была еще высока. Представляется неслучайной и номинация таких людей, укладывающаяся в лексический ряд *dsorgu* / *заргачи* / *заргаша(н)*. На сохранение их значения в XIX в. указывает М.Н. Хангалов, согласно нему, разбор на низовом уровне межличностных конфликтов оставался прерогативой старейшин [11. С. 187, 190], при этом им в обязанность вменялось увещание свидетелей дела в том, что «всякая ложь есть преступление, за которое последует наказание здесь и в будущей жизни» [12. С. 224]. В то же время в суде чаще фигурируют «почетные люди», которые выделялись среди сородичей своей состоятельностью.

По В.А. Рязановскому, Устав 1822 г. «хотя и поставил инородческое управление и суд в связь с общим (русским). – А.Б.), однако сохранил широкий простор за родовыми обычаями» [Там же. С. 152]. Заметим, что тенденция инкорпорации в обычное право бурят элементов российского судопроизводства проявлялась и до принятия Устава, например в части запретов на пытки («пристрастные допросы») и на наказание иными средствами, кроме как розгами, а также в практике принесения присяги не только на оружии, но и с присяжным листом. Бурятское право содержало некоторые положения, имевшиеся и в российском праве: допущение божбы на святом месте в присутствии служителя религиозного культа (для православных – в церкви или просто перед иконой, для шаманистов – на шаманском месте или у *онгона*, изображения мифического духа-покровителя); запрет на получение свидетельских показаний у малолетних и умалишенных; существование срока давности на возобновление судебного разбирательства; установление строго определенного срока для подачи иска; признание состояния опьянения при совершении преступления отягчающим обстоятельством и т.д.

Авторами указывается партикуляризм бурятского права [Там же. С. 151], подчеркивается, что кодификация его в виде «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» 1841 г. не отменила действия местных сводов юридических обычаев и имела ограниченное применение. Подробная характеристика обычного права и процесса судопроизводства у бурят дается в работе Д.Я. Самоквасова 1876 г. [13], поэтому в нашем исследовании ограничимся рассмотрением некоторых моментов бурятской судебной практики.

Следует отметить, что в обычном праве отражена регуляторная функция бурятской общины, которая выражалась прежде всего в нетерпимом отношении ко всем нарушителям общественного порядка: им выносили строгие выговоры, побуждая к «благонравию»; если исправления не происходило, их прилюдно секли розгами [Там же. С. 97]. Конечно, такие антиобщественные явления, как пьянство, туеядство, азартные игры, сохранялись в жизни бурят, но община и родоначальники старались их пресекать, о чем ясно свидетельствуют источники XIX в. И главную роль здесь играла община как примиряющая сторона в конфликтах.

В XVIII в. бурятское обычное право требовало четкого соблюдения последовательности обращения в суд и рассмотрения дела, не допускалось прямое обращение к вышестоящей инстанции, такое нарушение могло повлечь наказание розгами. Отступление от данного принципа со стороны главы бурятского ведомства вызывало нескрываемое возмущение подчиненных ему родовых шуленг, которые, несмотря на существующую субординацию, довольно жестко отстаивали свое право на судопроизводство. Иллюстрацией сказанному может послужить рапорт главы Хенхедурского рода шуленги Кучи Дидаева главному тайше Имыгену Атагалову, в котором, в частности, говорится: «При рапорте, да и впредь с ведения моего братских никогда без ведома моего не судить, по той причине, что вы незнакомы поведения братскаго и не спрося об оном меня родового шуленги подробно судить не можете» [5. Л. 2]. Однако ситуация менялась, и в Положении 11 хоринских родов 1808 г. вводится оговорка: «Если какой-либо тяжущийся человек заявит, что он не желает данного суда, а отправляется к вышестоящим нойонам и в управление, то такового насильно не задерживать и не выносить решения» [9. С. 43]. В Уставе 1822 г. (ст. 130) был сделан следующий шаг, допускавший, что главный тайша может выступить в качестве судьи по обоюдному согласию сторон конфликта; в Хоринском положении 1851 г. эта позиция была повторена. В этой связи В.А. Рязановский пишет о противоречивости бурятского обычного права в данном вопросе [12. С. 231].

Родоначальникам вменялось в обязанность вести судебный процесс, но в случае сложности дела они могли призвать на помощь близ живущих родоначальников. До реформы М.М. Сперанского этим были заняты преимущественно зайсаны и шуленги, а по бурятским сборникам законов, составленным на основе Устава 1822 г., данную функцию начали осуществлять головы и выборные заседатели инородных управ [9. С. 94–95]. По источникам XVIII в., сайты (*сайд* ‘собирательное название родовых начальников, составлявших так называемую степную аристократию’ [6. С. 140]), уклонявшиеся от исполнения роли судьи, подлежали наказанию. Эта ответственность бурятских должностных лиц и карательные меры нерадивым в исполнении судебных обязанностей были пролонгированы в более поздних сводах обычного права. В целом третейский суд у бурят был нацелен на относительно справедливое наказание обидчика, поддержание общественного порядка и консервацию конфликта.

В бурятском обществе случались различные конфликты (семейно-бытовые, внутригрупповые, на этнической почве), которые выливались в преступления против личности и собственности. Укажем, что такая крайняя форма конфликта, как кровная месть, была изжита у бурят еще до XVIII в. [3]. Каковы были в изучаемое время наиболее типичные преступления среди бурят, можно понять из следующей цитаты: «Обыкновенныя преступления между ними суть воровство, мошенничество и мелкие плутни» [14. С. 16]. Данный круг нетяжких правонарушений как раз под-

падал под юрисдикцию суда родоначальников. Добавим, что оставление права на рассмотрение исковых и тяжбных дел за судом бурятских родоначальников, впервые предложенное Саввой Владиславичем-Рагузинским, было подтверждено в последующих законодательных актах (в Уставе об управлении инородцев 1822 г. (ст.ст. 36 и 37), Своде законов Российской империи 1857 г. (ст.ст. 73 и 74 Учреждения управления инородцев 1857 г.)).

Семейные конфликты, судя по документам XVIII–XIX вв., нередко были следствием неравного положения женщины в бурятском обществе. Калымный брак, представлявший господствующую форму брачного союза у бурят, при отсутствии взаимопонимания между супругами обычно заканчивался его расторжением с соблюдением обычного права, которое предусматривало согласие на это родственников и сайтов.

Однако в случае с молодоженами семейный конфликт иногда провоцировал бегство молодой жены от мужа. Беглянки отправлялись к родителям, но их возвращали назад и подвергали физическому наказанию (например, по Уставу 1788 г. хори-бурят их полагалось трижды высечь [9. С. 17]). Чтобы избежать подобной экзекуции, в период активного миссионерства (начиная с 1830-х гг.) некоторые бурятки искали защиту у православных священников и принимали христианскую веру. По Н.М. Астыреву, они рассматривали переход в православие как средство сдерживания агрессии мужа: «<...> крестившаяся жена возвращается жить к язычнику-мужу, имея теперь против него постоянно наготове оружие, – свою принадлежность к христианству, обуславливающую ей возможность в каждую данную минуту уйти от мужа под покровительство гражданских властей, если бы муж стал, например, таранить ее» [15. С. 15].

Нередко беглянки уходили из семьи к любовнику, причем у бурят Предбайкалья и Прибайкалья такие пары вместе крестились, чтобы защититься от преследования бывшего мужа. Степная дума, охраняя права законного супруга, брала с новоиспеченного мужа и родителей жены подписку о возврате ими калыма в полном объеме [16. Л. 2].

Причиной ухода из семьи могло быть и то, что некоторые мужья специально изводили нелюбимых жен, чтобы вернуть себе калым [11. С. 197]. Так, ольхонский бурят Болдон Алтаев, со слов его тестя: «...безвинно чинит нападения на нее (жену) <...> бьет весьма безчеловечно, так что пребывания с ним иметь ни под каким видом не возможно» [5. Л. 333]. В ответ на неоднократные обращения последнего Алтаев отказывался принять жену и требовал при этом возвращения ему калыма в 25 овец.

Разница в возрасте молодоженов, когда жена была намного старше мужа и позволяла себе, пока он был юн, вольный образ жизни, являлась еще одной причиной семейных неурядиц: «Мальчики, вступившие в брак с совершеннолетними девицами, возмужав, обходятся сурово с устаревшими и между тем привыкшими к вольности женами; последние с отчаяния уходят от мужей и нередко покушаются на жизнь» [17. С. 27].

Не вдаваясь в подробности, назовем условия, при которых разрешался или запрещался бракоразводный процесс. Развод не допускался, если в семье рос сын, а возраст супруги достиг 40 лет [4. Л. 68]. В то же время он был возможен по инициативе одного из супругов при соблюдении им всех требований закона, в котором было заложено гендерное неравенство женщины. Кроме того, суд принимал как основание для расторжения брака физическую ущербность мужа и бездетность жены. Наконец, по обычному праву четвертый побег жены считался поводом для прерывания семейных уз.

Конфликты между рядовыми бурятами и родоначальниками возникали на почве самоуправства и лихоимства последних [1. С. 380–381]. Так, на протяжении XVIII–XIX вв. в бурятском обществе процветали различные «черные» поборы; для противодействия им, например, было принято «Предписание военного губернатора Забайкальской области об объявлении бурятам о недопустимости излишних сборов» (1852), в котором, помимо санкционированных властью сборов, бурятам строго запрещалось давать родоначальникам деньги, а на жалобщиков, в случае доказанности дачи ими денег, целиком возлагались расходы за проведенное следствие [18. Л. 154–154 об.].

Правда, не всегда виновной стороной оказывались сайты. На защиту одного из них, Амея Цышкелова, снискавшего уважение в народе, встали рядовые буряты Баяндаевского рода. Они указали в резолюции, принятой на родовом собрании, что их глава за период пребывания в должности шуленги (с 1778 по 1792 г.) проявил себя как «чистой и непорочной человек, также не пьяница, и не буйственник, и поведения доброго обстоит» [19. Л. 130 об.]. Подобные примеры можно найти и в XIX в. В 1862 г. общественным приговором баргузинских бурят было защищено доброе имя главного тайши Сахара Хамнаева, а четверо бурят, очернивших его, решением суглана были выселены за пределы ведомства [20. Л. 7–8.].

Стычки между бурятами, бурятами и русскими обычно возникали по причине конфликта интересов, но в судебных делах встречаются указания и на спонтанную агрессию, проявленную обидчиком. Как правило, агрессивное поведение провоцировали физическое превосходство над жертвой или ее зависимое от агрессора положение (например, нахождение у него в работниках). Иногда побуждала к таким поступкам обычная корысть, как в деле о верхоленских бурятах Первого Абазаевского рода (1803), которым крестьянин Матвей Серебренников сначала позволил освежевать тушу, как пишется, случайно убитого им собственного коня, а затем он с вооруженными родственниками бил и мучил захваченных бурят, требуя с них деньги [5. Л. 150–151]. Очевидно, ему как христианину запрещалось употребление конины, а бурятами такое мясо ценилось; исходя из этого, он, вероятно, решил обмануть бурят и силой получить с них деньги на новую лошадь. В этой истории показательна позиция крестьянского старшины Пестова, который, выгораживая своих односельчан, не только фальсифицировал медицинское освидетельствование пострадавших бурят, но и «поса-

дил в цепь и заклепал в колоду на целые сутки братского Маркея Мошорина».

К слову, скорыми на расправу были и некоторые бурятские родоначальники, в своих методах мало отличавшиеся от упомянутого крестьянского начальника. Некий Василий Заншин пострадал от самоуправства старшины Туела Тохоева, тот в вину ему ставил: «...для чего он заехал в чужой улус и не в свое ведомство, да и чинил не припущение к вину» [Там же. Л. 27 об.]. На деле пострадавший по просьбе жениха выдавал в ходе свадьбы содержащийся в амбаре запас молочного вина, вначале он был бит ворвавшимися в амбар бурятами, был связан, но убежал от них к местному старшине, надеясь на помощь. Однако был обвинен последним в сказанном выше, при попытке бегства он был захвачен конной погоней и, как записано в деле, его «на укрюке тащили за шею саженой семьдесят», после старшина с подручными бурятами стегали жертву веревками и посадили в колоду.

Ссора из-за пущенной сплетни завершалась тем, что сплетника прилюдно секли и заставляли оплатить все связанные со ссорой убытки [9. С. 35]. Примером подобного конфликта является дело Сабая Бахаева (1805), который клеветал на своего кузена Марсая Имыгенова, обвиняя его в поджоге срубной юрты и двора. Суд родоначальников, изучив обстоятельства дела, вынес приговор: «<...> наказать онаго Сабая при собрании протчих розгами, дабы ему впредь такого лжезаветства и другого тому подобного чинить поведено не было: а посему обязать ево подпискою, чтобы он от таковых поступков жить же впредь воздержался» [5. Л. 351–351 об.].

Коммерческие споры и преступления против собственности (кража скота, предметов быта, самозахваты сенокосных угодий, пастбищных мест и др.) были довольно часты, иногда они происходили с участием представителей иных народов Байкальского региона. Причем конфликты между бурятами из разных ведомств, бурятами и представителями других народов разрешались с привлечением их начальников (родовых, крестьянских) и при посредничестве нижнего суда Иркутского губернского правления. Тяжбы по хозяйственному освоению угодий, возникавшие между административными органами местного самоуправления разных этнических сообществ, как правило, заканчивались размежеванием спорных территорий и закреплением достигнутого компромисса через соответствующие решения губернского правления.

В XVIII в. меры наказания включали прилюдную физическую экзекуцию (наказание плеткой, палками, заключение в колоду) и композиционные выплаты, в том числе живым скотом [2]. Арсенал способов наказания в 1820–1850-е гг. стал шире: за незначительные преступления (например, нанесение нетяжких увечий, дерзкие высказывания, неповиновение суду) полагались арест с содержанием в тюремной избе или кордонной, выговор или замечание, а за более общественно опасные деяния (оскорбление сайтов, буддийских монахов (у забайкальских бурят), нанесение тяжелых телесных повреждений, кражи) наказывали розгами, выносили штрафы и ссылали на другое место. На протяжении

всего изучаемого периода неизменной оставалась норма права, обязывавшая обидчика за нанесение увечий, даже случавшееся при публичной порке, оплачивать лечение пострадавшего до его выздоровления.

В XIX в. новыми в бурятской судебной практике стали привлечение виновников конфликта к выполнению общественных работ (у предбайкальских бурят), внесение ими вклада в пользу общины и местного буддийского монастыря и даже религиозная эпитимия (у забайкальских бурят-буддистов). В частности, у кудинских (предбайкальских) бурят людей, нарушавших общественное спокойствие, вне очереди направляли на ремонт дорог, мостов и гатей [11. С. 190]. Данная форма наказания была неслучайной, ведь любой конфликт в традиционном обществе расценивался как антиобщественное действие, затрагивающее интересы отдельного рода, а в случае с забайкальскими бурятами – и буддийской общины.

Как уже было показано, действенным средством профилактики, применявшимся бурятским судом с конца XVIII в., считалась дача отступившимся письменного обязательства родоначальнику не совершать неблагоприятные поступки. Для примера приведем образец такого обещания: «Верхоленского ведомства Абазаевского роду братской Мотхон Ямышенов дал сию подписку своему главному шуленге Ертагару Чохонову в том, что по известным моим преступлениям и не порядкам, противным законам, от вышеписанного числа впредь никакого ложносвидетельства, воровства и непослушания против родового шуленги, старшин и рядовых старших братских не чинить и быть всегда в послушании: а ежели я изменю подтверждением окажется в каком либо непорядке, воровстве, ложносвидетельстве и в неповиновении, то подвергая себя наижесточенней быть оштрафованным без всякого упущения всему» [5. Л. 6]. За публичные угрозы, если дело доходило до суда, с виновного также бралась подписка в том, «что ничего того вредного с ним (объектом нападок. – А.Б.) не сделает» [13. С. 97].

Фигура родоначальника в традиционных представлениях бурят предбайкальских родов была священной. Но нормы, защищающие интересы управляющей элиты, впервые появляются в кодексах обычного права у разных групп бурят лишь с началом XIX в. Со временем происходило укрепление их прав; так, в «Селенгинском уложении» 1823 г. новым являлось усиление наказания за физическое посягательство на родовых начальников, теперь дополнительно к обязательному возмещению за обиду, бралась плата за бесчестие [1. С. 132].

Как показывают документы второй половины XVIII в., сайты не ждали судебного разбирательства и сразу наказывали обидчика. Единственное, что по факту события волновало надзирающие органы, – использовали при этом родоначальники розги, как полагалось по закону, или плетку [21. Л. 6]. В XIX в. за оскорбление, нанесенное родоначальнику, также наказывали розгами. По обычному праву решение об этом принимал десяток (локальная община), к которому был приписан виновник, а наказание исполнял сам потерпевший [22. Л. 35–35 об.], тем самым получая полное удовлетворение задетым чувствам.

Хотя разрешение конфликтов между бурятскими родоначальниками и представителями русской администрации прямо не входило в компетенцию бурятских судов, тем не менее имели место случаи вынесения ими соответствующих вердиктов. Примером тому является дело бывшего заседателя Кударинской степной думы Николая Дудаева. Он, как пишут, оскорблял «неуместными поносительными словами» повстречавшихся ему Селенгинского окружного исправника, участкового заседателя Миллера и миссионера иеромонаха Платона. Перечисленные выше лица не замедлили обратиться в Степную думу с требованием наказать охальника, в результате суд родоначальников приговорил Дудаева к публичной порке двадцатью пятью розгами [23. Л. 1–2]. Обращение представителей светской власти и церкви к инородческому суду видится неслучайным: событие произошло на землях кударинских бурят, поэтому судебное разбирательство должно было производиться в местном суде. Заметим также, что наказание было вынесено в полном соответствии с обычным правом кударинских бурят [24. С. 196–197].

В изучаемый период серьезные конфликты между бурятским самоуправлением и вышестоящими (уездными, окружными, областными, губернскими) органами власти почти не возникали, объясняется это лояльностью бурятской управленческой элиты в целом к российской власти. Инкорпорированная в имперскую систему управления, она исполняла роль транслятора политики власти в бурятское общество, благодаря ей происходила консолидация бурятского народа на уровне этнотерриториальных групп. Пожалуй, единственным примером столкновения интересов бурятских родоначальников и власти была система незаконных поборов, организованная в 1810-е гг. иркутским гражданским губернатором Н.И. Трескиным и его окружением, разоблачение которых инициировало собственно реформу управления Сибирью М.М. Сперанским.

С ростом значения буддизма в жизни бурят Забайкалья в их обычном праве закрепляются меры по охране интересов буддийских служителей [2. С. 44]. Интересно, что за оскорбление, нанесенное буддийским ламам, помимо физического наказания палками и композиционных выплат, полагалось внесение виновным лепты (деньгами, приготовлением чая в дацане) на общественные нужды. Обязательным у забайкальских бурят было участие «кумирных» и «почетных» лам в суде при принесении присяги и разборе семейных конфликтов. С другой стороны, они не имели права вершить суд над мирянами и послушниками [12. С. 173].

Власть выступала на стороне православных миссионеров и крещеных бурят, когда ущемлялись интересы последних или имело место противодействие прозелитской деятельности православных священников. В этой связи показателен пример тайши кударинских бурят Хамаганова, которого за политику гонений христиан не только лишили поста, но и подвергли судебному преследованию. Кроме того, полномочия по защите интересов крещеных в среде кударинских бурят главой Забайкальского областного правления были возложены на одного из заседателей Степной думы – Горбунова, выходца из крещеных бурят [25. Л. 12–12 об.].

Таким образом, исследование показывает, что в решении конфликтов и примирении сторон была заинтересована община. Основным регулятором конфликтных ситуаций в бурятском обществе XVIII–XIX вв. являлся третейский суд, который со временем все больше превращался в место лишь предваритель-

ного рассмотрения дел, а окончательный вердикт по ним выносился в общем суде. Третейский суд, опираясь на обычное право, решал задачи наказания агрессора, компенсации жертве ущерба, пресечения разрастания конфликта с целью сохранения общественного порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М. : Наука, 1970. 400 с.
2. Бадмаев А.А. Традиции разрешения конфликтов в бурятском обществе (XVIII–XIX вв.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 2. С. 42–45.
3. Бадмаев А.А. Феномен агрессии в истории и культуре бурят XVII–XIX веков // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2016. Т. 14, вып. 7: Археология и этнография. С. 217–223.
4. Российский государственный архив древних актов. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70.
5. Государственный архив Республики Бурятия (ГА РБ). Ф. 460. Оп. 1. Д. 25.
6. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь : в 2 т. / сост. Л.Д. Шагдаров, К.М. Черемисов. Улан-Удэ : Республиканская тип., 2010. Т. II: О–Я. 708 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 1: А–З. 699 с.
8. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.) : ист.-этнограф. материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан : Магаданское кн. изд-во, 1983. 176 с.
9. Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности : пер. с монг. Новосибирск : Наука, 1992. 312 с.
10. Бурятско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов. М. : Сов. энцикл., 1973. 804 с.
11. Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. Т. 1. 551 с.
12. Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное) : ист. очерк. Харбин : тип. Н.Е. Чинарева, 1931. 306 с.
13. Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава : Тип. И. Носковского, 1876. 282 с.
14. Монголо-буряты в Нерчинском округе Иркутской губернии // Журнал министерства внутренних дел. 1843. Ч. 3, № 7. С. 3–47.
15. Астырев Н.М. Монголы-буряты Иркутской губернии // Северный вестник. 1890. № 12, декабрь. С. 11–53.
16. ГА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 273.
17. Раев А. Буряты // Вестник Императорского русского географического общества. 1858. Ч. 24. С. 1–40.
18. ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 627–629.
19. ГА РБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 6.
20. ГА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 106.
21. ГА РБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 20.
22. ГА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 314.
23. ГА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 907.
24. Асханов И.А. Об обычном праве кударинских бурят: Положение о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области Кударинского племени существующих // Труды Бурятского института общественных наук СО АН СССР. 1968. Вып. 5 : Исследование и материалы по истории Бурятии. С. 174–212.
25. ГА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 266.

Andrey A. Badmaev, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: badmaevaa@ngs.ru

CONFLICTS AND MECHANISMS OF THEIR REGULATION IN THE BURYAT SOCIETY OF THE XVIII–XIX CENTURIES

Keywords: Buryats, conflict, reconciliation, arbitration court.

The aim of the study is to identify the main types of conflicts and their resolution mechanisms in the Buryat society of the XVIII–XIX centuries.

The work is based on archival materials and literary data of the considered time. The main sources for the study included archival documents from the State archive funds of the Republic of Buryatia (the Fund № 460 "Verkholskaya stepnaya kontora" and Fund No. 5 "Kudarinskaya stepnaya дума") and the works of authors of XVIII–XIX centuries (I.I. Lindenau, A. Raev, N.M. Astyrev, M.N. Khangalov). In addition, the codes of customary law of Buryats and linguistic materials ("Buryatsko-russkii slovar'" (1973) and "buryaad-orod toli" (2010)) were used.

The article analyzes the structure of power in Buryat society, determines the role of community and clan in the regulation of conflicts. It is noted that the issues of reconciliation were considered at the different levels of Buryat power. The paper characterizes the Buryat arbitration court, while it is stated that it was often an intermediate instance, whose decisions could be appealed in the Russian court.

The study outlines the main types of conflicts that took place in the Buryat society of the XVIII–XIX centuries. In particular, the causes of family conflicts and the position of the court on them are identified. The author points to the manifestations of spontaneous aggression and arbitrariness that caused the conflict.

Punishments determined by the court included community service sentences or the requirement of making a contribution to benefit the community, besides the physical execution and imposition of fines. An effective means of prevention of such behavior was considered, for example, to take a written commitment from the perpetrator to avoid antisocial misconducting in the future.

It is noted that in the customary law of the Buryats the interests of the founders and representatives of the Buddhist church were protected first and foremost.

Thus, the study shows that the community was interested in resolving conflicts and reconciling the parties. The main regulator of conflict situations in the Buryat society of the XVIII–XIX centuries was the arbitration court, which over time increasingly turned into a place of preliminary consideration of cases, and the final verdict on them was made in the general court. The arbitral court, relying on customary law, solved the problem of the punishment of the aggressor, paying damages to the victim, combating the spread of the conflict with the aim of preserving public order. In the practice of conflict regulation in different groups of Buryats there were certain local features.

REFERENCES

1. Zalkind, E.M. (1970) *Obshchestvennyy stroy buryat v XVIII – pervoy polovine XIX v.* [The social system of the Buryats in the 18th – the first half of the 19th centuries]. Moscow: Nauka.
2. Badmaev, A.A. (2016) Traditsii razresheniya konfliktov v buryatskom obshchestve (XVIII–XIX vv.) [The traditions of conflict resolution in the Buryat society (18th – 19th centuries)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 23(2). pp. 42–45.
3. Badmaev, A.A. (2016) Fenomen agressii v istorii i kul'ture buryat XVII–XIX vekov [The phenomenon of aggression in the history and culture of the Buryats of the 17th–19th centuries]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 14(7). pp. 217–223.
4. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 24. List 1. File 70.
5. The State Archive of the Republic of Buryatia (GA RB). Fund 460. List 1. File 25.
6. Shagdarov, L.D. & Cheremisov, K.M. (2010) *Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkiy slovar'*: v 2 t. [The Buryaad-orod roofing felts. The Buryat-Russian dictionary: in 2 vols]. Vol. 2. Ulan-Ude: Respublikanskaya tip.
7. Dal, V.I. (1955) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarye.
8. Lindenau, Ya.I. (1983) *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII v.): ist.-etnograf. materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Description of the peoples of Siberia (the first half of the 18th century): historical and ethnographical materials about the peoples of Siberia and the North-East]. Magadan: Magadanskoe kn. izd-vo.
9. Pubaev, R.Ya. (1992) *Obychnoe pravo khorinskikh buryat. Pamyatniki staromongol'skoy pis'mennosti* [The customary law of the Khori Buryats. Monuments of the old Mongolian writing]. Translated from Mongolian. Novosibirsk: Nauka.
10. Cheremisov, K.M. (1973) *Buryatsko-russkiy slovar'* [The Buryat-Russian Dictionary]. Moscow: Sov. entsikl..
11. Khangalov, M.N. (1958) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
12. Ryazanovskiy, V.A. (1931) *Mongol'skoe pravo (preimushchestvenno obychnoe): ist. ocherk* [Mongolian law (mostly customary)]. Harbin: tip. N.E. Chinareva.
13. Samokvasov, D.Ya. (1876) *Sbornik obychnogo prava sibirskikh inorodtsev* [Collection of Customary Law of Siberian Non-Russians]. Warsaw : Tip. I. Noskovskogo.
14. The Ministry of Internal Affairs. (1843) *Mongolo-buryaty v Nerchinskom okruge Irkutskoy gubernii* [The Mongol-Buryats in the Nerchinsk district of Irkutsk province]. *Zhurnal ministerstva vnutrennikh del*. 3(7). pp. 3–47.
15. Astyrev, N.M. (1890) *Mongoly-buryaty Irkutskoy gubernii* [The Mongol-Buryats of Irkutsk province]. *Severnyy vestnik*. 12. pp. 11–53.
16. The State Archive of the Republic of Buryatia (GA RB). Fund 5. List 2. File 273.
17. Raev, A. (1858) Buryaty [Buryats]. *Vestnik Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. 24. pp. 1–40.
18. The State Archive of the Republic of Buryatia (GA RB). Fund 5. List 1. Files 627–629.
19. The State Archive of the Republic of Buryatia (GA RB). Fund 460. List 1. File 6.
20. The State Archive of the Republic of Buryatia (GA RB). Fund 7. List 1. File 106.
21. The State Archive of the Republic of Buryatia (GA RB). Fund 460. List 1. File 20.
22. The State Archive of the Republic of Buryatia (GA RB). Fund 5. List 2. File 314.
23. The State Archive of the Republic of Buryatia (GA RB). Fund 5. List 1. File 907.
24. Asalkhanov, I.A. (1968) *Ob obychnom prave kudarinskikh buryat: Polozhenie o stepnykh zakonakh i obyachakh mezhdru inorodtsami Zabaykal'skoy oblasti Kudarinskogo plemeni sushchestvuyushchikh* [On the Customary Law of the Kudarinsky Buryats: Regulations on the Steppe Laws and Customs between the Aliens of the Trans-Baikal Region of the Kudarinsky Tribe]. *Trudy Buryatskogo instituta obshchestvennykh nauk SO AN SSSR*. 5. pp. 174–212.
25. The State Archive of the Republic of Buryatia (GA RB). Fund 5. List 2. File 266.